

Патриарх Никон. Начало раскола. Никон, в миру Никита, достиг высшего духовного сана, по своему происхождению будучи простым крестьянином. Он родился в начале XVII в. в Нижегородском краю. Обстоятельства его детства были тяжелые: ему много пришлось вытерпеть от гонений своей мачехи, что не могло не оказать дурного влияние на его характер. Но Никита с ранних лет проявлял присутствие твердой воли и отличался выдающимися способностями. Он быстро выучился грамоте и увлекся книжным учением, что побудило его тайком уйти из родительского дома в монастырь. Но родные все-таки заста-

вили его возвратиться обратно. Никита женился и в скором времени, как человек хорошо грамотный, был поставлен священником в одно село. Отсюда, по предложению московских купцов, узнавших о его начитанности, он перешел в Москву. Здесь он пробыл недолго. Молодой священник жаждал аскетических подвигов; к тому же, потрясенный семейным несчастьем, — потерей всех своих детей, он убедил жену поступить в один из московских монастырей, а сам удалился на крайний кевер, в один из уединенных скитов на Белом море. Здесь он постригся в монахи с именем Никона и мог на свободе предаться подвижнической жизни среди дикой, суровой природы севера. Однако он не ужился со скитским игуменом и перешел в другую пустынь, где был выбран игуменом. Однажды по делам своего монастыря, ему пришлось поехать в Москву. Здесь он, как настоятель монастыря, явился с поклоном к молодому, недавно вступившему на престол, царю Алексею Михайловичу. Встреча с царем решительным образом изменила дальнейшую судьбу Никона.

Кожеозерский игумен, обладавший видною наружностью, внушительным даром слова, умевший в беседе применить свою начитанность употреблением удачных примеров и изречений из Свящ. Писания и истории, произвел большое впечатление на царя. Алексей Михайлович пожелал иметь Никона поближе к себе, и, по его желанию, патриарх Иосиф посвятил его в архимандриты московского Новоспасского монастыря, где была родовая усыпальница бояр Романовых. Набожный царь часто ездил туда молиться, подолгу беседовал с Никоном и скоро всей душой привязался к своему новому другу. В это-то время Никон и сошелся с кружком протопопа Стефана Вонифатьева, вполне разделяя его стремление к упорядочению церковного строя. Но Никон недолго оставался в среде своих московских друзей. Он быстро двигался вверх по лестнице церковной иерархии. В 1640 г. он был поставлен на кафедру новгородского митрополита, а в 1652 г., по смерти патриарха Иосифа, он был избран, по желанию царя, на

всероссийский патриарший престол. Никон, однако, не сразу согласился на избрание. Сам царь и избиравший патриарха собор духовенства в Успенском соборе со слезами на глазах умоляли его принять патриаршество. Никон, наконец, изъявил свое согласие, но с условием, что царь, бояре, духовенство и все православные дадут ему торжественный обет исполнять евангельские заповеди и церковные правила и будут слушаться его во всем, как пастыря и отца.

Никон недаром старался связать царя, духовенство и народ обещанием быть ему послушным. Такой поступок вытекал не только из его властной натуры, но и из его намерения произвести серьезную реформу в Церкви.

Будучи еще митрополитом новгородским, Никон стремился упорядочить церковное богослужение. Вступив на патриарший престол и давно уже занятый мыслью об исправлении богослужебных книг и обрядов, Никон сам отправился в патриаршую библиотеку и занялся там сличением книг московской печати с древними греческими. Между прочим, он нашел там грамоту об учреждении патриаршества в России, в которой говорилось, что московский патриарх, как брат других восточных патриархов, должен во всем быть с ними согласен и блюсти полное единение с восточными православными церквами. Между тем в тексте символа веры и богослужебных книг Никон нашел разногласие с греческим текстом. С этого времени Никон безусловно становится на сторону греческого авторитета, хотя раньше, на ряду со своими бывшими друзьями ревнителями, он подозрительно относился к грекам и киевским ученым. Теперь же он решил привести русские богослужебные книги и обряды в полное соответствие с греческими. Во главе дела исправления были поставлены ученый киевский иеромонах Епифаний Славинецкий и Арсений грек, учившийся на Западе. Чтобы придать больше авторитета церковным исправлениям, Никон созвал в 1654 г. духовный собор, который открылся речью патриарха; в ней он указывал на неисправность церковных книг и

обрядов и доказывал необходимость их исправления. Собор подтвердил мнение патриарха и постановил, что книги надо исправить, сверяясь с древними славянскими и греческими книгами. В тех же целях Никон в предпринятой им церковной реформе старался опереться на авторитет восточных патриархов: константинопольский патриарх в своем послании вполне одобрил церковные исправления. Антиохийский патриарх, присутствовавший лично на соборе 1655 г., созванном для рассмотрения первой вновь исправленной книги (Служебник), также одобрил дело исправления. Затем были изданы Требник, вновь переведенный с греческого языка, Часослов и др. Вновь исправленные книги немедленно рассылались по церквам, а старые, на основании строгого распоряжения патриарха, отбирались. В то же время на церковном соборе был поднят и принят вопрос об исправлении двуперстия и других обрядов, в полном согласии с греческою церковью.

Несмотря, однако, на предусмотрительно принятые Никонем меры, в деле церковной реформы ему пришлось на самых же первых порах натолкнуться на резкую оппозицию. Раньше всего эта оппозиция проявилась со стороны его бывших друзей, протопопа Неронова, Аввакума и др. Все они были приверженцами русской старины: хотя они раньше, до Никоновских реформ, сами проповедывали о необходимости церковного благоустройства, но по чистоте православия русскую Церковь они считали неизмеримо выше греческой и отрицали, как ересь, всякую, даже мелочную перемену в установившихся обрядах. Они, и в особенности из них Аввакум, были люди упорные, стойкие в своих убеждениях, готовые пойти ради них на мученичество. Поэтому они оказали сильнейшее противодействие Никону, как почитателю греков и киевских ученых, в руки которых всецело перешло исправление книг. Много поводов к недовольству подал сам Никон. Как человек страстный, нетерпевший противоречия, увлекающийся, он дошел до крайности в своем стремлении согласовать русское церковное устройство с греческим. Он переносит к нам греческие церковные напевы, принимает греческих живо-

писцев, строит монастыри по образцу греческих, приближает к себе греков, всюду выдвигает на первый план все греческое, отдавая ему предпочтение перед русской стариной. При новом переводе богослужебных книг с греческого часто, без всякой нужды, изменяются слова и выражения, принятые раньше; напр., вместо «церковь» ставится «храм», вместо «певцы» — «песнословцы», и наоборот. При этом, исправления, сделанные при Никоне, были также не вполне безупречны. Между тем Никон, вводя вновь исправленные книги, обряды и иконы, поступал несдержанно и круто. Так, он приказал произвести в Москве обыск по домам, при чем забирались иконы так называемого «фряжского» или латинского письма. Отобранные иконы патриарх бросал на пол и разбивал, а затем предал отлучению от церкви всех, кто впредь будет писать или держать у себя такие иконы. При возникновении протеста против исправлений со стороны «ревнителей» немалую роль играли и личные отношения их к Никону. Как только последний сделался патриархом, он совершенно переменил с ними обращение. Патриарх, ревниво относившийся к своей власти, своих бывших друзей, пользовавшихся ранее большим влиянием при дворе и в высшем церковном управлении, не стал и «в крестовую пускать», по словам Аввакума. В свою очередь, те заявили протест против первого же нововведения патриарха, как против ереси, и подали на него челобитную царю. А тот передал ее на рассмотрение самого Никона. Мстительный патриарх воспользовался первым подходящим случаем, чтобы разгромить кружок. Неронов был послан в монастырь на смирение. Аввакум, которому после ссылки Неронова не позволяли служить в Казанском соборе, и который демонстративно отслужил всенощную в сарае, был схвачен стрельцами и сослан в далекий Тобольск. Пострадали и некоторые другие их сторонники.

Но все же в первые годы протест против исправление церковных книг и обрядов ограничился небольшим кружком влиятельного московского духовенства, выступившего против Никона отчасти из чувства оскорбленной на-

циональной гордости, отчасти из личной неприязни. Хотя на местах ссылки Аввакум и Неронов, а также некоторые из ревнителей, оставшиеся в Москве, успели уже начать пропаганду своих воззрений на церковные исправления, но пока движение, начатое ими, не перешло еще в открытый раскол. Так дело обстояло до конца 60-х годов XVII ст. Но в это время в русской церковной жизни произошли крупные события.

Первым из них было оставление Никоном патриаршего престола в 1658 г. Это произошло при несколько необычайных обстоятельствах. Никон, вступивший на патриарший престол с условием, чтобы царь не вмешивался в церковные дела, считал себя в этой области единым и полновластным владыкой. Но, в то же время, требуя полного невмешательства светской власти в духовные сферы, Никон оставлял за собой право на широкое участие в политических делах. И здесь его значение было весьма велико, что происходило вследствие особых дружеских отношений царя к патриарху. Молодой впечатлительный царь вполне отдался влиянию умного, энергичного и красноречивого патриарха, которого он называл не иначе, как своим «собинным» (особенным) другом. Царь, а за ним и другие, стали звать Никона не «великим господином, как обыкновенно титуловали патриарха, а «великим государем», каковым титулом пользовался только отец Михаила Феодоровича, патриарх Филарет. И сам Никон в грамотах титулуется себя «великим государем» и ставит свое имя рядом с царским. Свою власть Никон открыто равнял с властью царя, проявляя, таким образом, на русском патриаршем престоле стремление римского папы средних веков. Некоторые современники готовы были считать его власть даже большею, чем власть царя.

Достигши высокого положения, Никон обращался высокомерно с боярами и еще хуже с подчиненным ему духовенством. В придворной среде, в боярах, утративших благодаря возвышению Никона, часть своего влияния, это вызывало вражду против патриарха. Они употребляли все усилия для того, чтобы поссорить с ним царя, так как по-

нимали, что могущество патриарха основывалось, собственно, на личном расположении к нему царя. Предлогов к этому было достаточно. Никон не привык сдерживаться и по отношению к царю. Так, однажды, в споре с Нероновым, требовавшим присутствие царя на церковном соборе, судившем его и протопопа Логгина, Никон в запальчивости высказал: «Мне и царская помощь не годна и не надобна». Этот и подобные случаи, конечно, достигали до ушей царя Алексея Михайловича. Между тем последний, по возвращении из польского похода, в котором он принимал личное участие, возмужал, приобрел больше самостоятельности. Поэтому несдержанность и высокомерное поведение патриарха, естественно, вызывали в царя охлаждение к нему. Царь начал сторониться своего прежнего друга и перестал ходить в собор на служение патриарха. Никон обиделся. Последним поводом к размолвке между царем и патриархом послужило оскорбление, нанесенное царским окольным Хитрово одному патриаршему боярину. Никон жаловался на это Алексею Михайловичу, но не получил никакого удовлетворения; а в скором времени царь запретил ему титуловать себя «великим государем». Тогда Никон пошел на решительный шаг. Во время богослужения в соборе пред всем народом патриарх заявил, что он оставляет патриаршество, послал об этом письмо царю, а затем уехал в основанный им Воскресенский монастырь.

Поступая таким образом, Никон надеялся на то, что огорченный царь будет просить его не оставлять патриаршеского престола. Но этого не случилось. В своей добровольной ссылке Никон вел себя очень неровно: то он делал попытки примириться с царем, приезжал с этой целью даже в Москву, то писал царю резкие обличительные послания, в которых высказывался против вмешательства царя в церковные дела. В то же время Никон не слагал с себя окончательно патриаршего сана, так что патриарший престол оставался незамещенным в течение 8 лет. Так дело продолжалось до 1666—67 гг., когда состоялся большой церковный собор с участием двух вос-

точных патриархов, антиохийского и александрийского. На этом соборе, по желанию царя, было рассмотрено дело Никона, и окончательно решен вопрос об исправлении церковных книг и обрядов.

Собор признал Никона виновным в том, что он самовольно оставил патриаршество и внес смуту в государство, и присудил его лишиться сана, священства и сослать в заточение в Ферапонтов Белозерский монастырь. По вопросу об отношении светской и духовной властей собор, под влиянием присутствовавших на нем греческих иерархов, высказался, хотя и не без пререканий со стороны некоторых русских епископов, за неограниченную царскую власть, с подчинением ей патриаршей власти, даже и в делах церковных.

Лишь в следующее царствование, при Феодоре Алексеевиче, дряхлый и больной Никон получил разрешение вернуться из ссылки в Москву, но дорогою умер в (1681 г.).

Тот же церковный собор 1666-67 гг., осудивший Никона, подтвердил и одобрил все предпринятые им исправления церковных книг и обрядов и *провозгласили анафему всем, кто ослушается соборного определения и не примет исправленных книг и обрядов.* Это анафематствование имело весьма важное значение в истории раскола. С него, собственно, и нужно считать начало раскола, так как, с одной стороны, собор приравнял всех «старообрядцев» к еретикам, отлученным от Церкви; последние же, в свою очередь, откололись, отделились от господствующей Церкви и составили особое церковное общество, разделившееся позднее на несколько отдельных групп. На первых же порах, проклятие, провозглашенное собором 1666-67 гг., вместе с крутыми и весьма часто жестокими мерами правительства по отношению к раскольникам, имело то ближайшее практическое значение, что способствовало быстрому распространению раскола. Жестокости духовных и светских властей раскольники противопоставили непреклонное упорство, с которым они отстаивали свои убеждения; они считали себя мучениками за веру «в последние времена», а духовных и гражданских властей, «никониан» — слугами антихриста, которым не сле-

дует повиноваться. Так, раскол, возникший первоначально на почве религиозного протеста, впоследствии легко превратился в сложное движение, не только религиозное, но политическое и социальное. Этому благоприятствовали тяжелые условия политической и общественной жизни. Раскольники в значительном количестве принимают участие в восстании Стеньки Разина и в других народных движениях XVII-XVIII вв.

Патриарх Никон. Начало раскола. Никон, в миру Никита, достиг высшего духовного сана, по своему происхождению будучи простым крестьянином. Он родился в начале XVII в. в Нижегородском краю. Обстоятельства его детства были тяжелые: ему много пришлось вытерпеть от гонений своей мачехи, что не могло не оказать дурного влияние на его характер. Но Никита с ранних лет проявлял присутствие твердой воли и отличался выдающимися способностями. Он быстро выучился грамоте и увлекся книжным учением, что побудило его тайком уйти из ритодельского дома в монастырь. Но родные все-таки заста-

вили его возвратиться обратно. Никита женился и в скором времени, как человек хорошо грамотный, был поставлен священником в одно село. Отсюда, по предложению московских купцов, узнавших о его начитанности, он перешел в Москву. Здесь он пробыл недолго. Молодой священник жаждал аскетических подвигов; к тому же, потрясенный семейным несчастьем, — потерей всех своих детей, он убедил жену поступить в один из московских монастырей, а сам удалился на крайний север, в один из уединенных скитов на Белом море. Здесь он постригся в монахи с именем Никона и мог на свободе предаться подвижнической жизни среди дикой, суровой природы севера. Однако он не ужился со скитским игуменом и перешел в другую пустынь, где был выбран игуменом. Однажды по делам своего монастыря, ему пришлось поехать в Москву. Здесь он, как настоятель монастыря, явился с поклоном к молодому, недавно вступившему на престол, царю Алексею Михайловичу. Встреча с царем решительным образом изменила дальнейшую судьбу Никона.

Кожеозерский игумен, обладавший видною наружностью, внушительным даром слова, умевший в беседе применить свою начитанность употреблением удачных примеров и изречений из Свящ. Писания и истории, произвел большое впечатление на царя. Алексей Михайлович пожелал иметь Никона поближе к себе, и, по его желанию, патриарх Иосиф посвятил его в архимандриты московского Новоспасского монастыря, где была родовая усыпальница бояр Романовых. Набожный царь часто ездил туда молиться, подолгу беседовал с Никоном и скоро всей душой привязался к своему новому другу. В это-то время Никон и сошелся с кружком протопопа Стефана Вонифатьева, вполне разделяя его стремление к упорядочению церковного строя. Но Никон недолго оставался в среде своих московских друзей. Он быстро двигался вверх по лестнице церковной иерархии. В 1640 г. он был поставлен на кафедру новгородского митрополита, а в 1652 г., по смерти патриарха Иосифа, он был избран, по желанию царя, на

всероссийский патриарший престол. Никон, однако, не сразу согласился на избрание. Сам царь и избиравший патриарха собор духовенства в Успенском соборе со слезами на глазах умоляли его принять патриаршество. Никон, наконец, изъявил свое согласие, но с условием, что царь, бояре, духовенство и все православные дадут ему торжественный обет исполнять евангельские заповеди и церковные правила и будут слушаться его во всем, как пастыря и отца.

Никон не даром старался связать царя, духовенство и народ обещанием быть ему послушным. Такой поступок вытекал не только из его властной натуры, но и из его намерения произвести серьезную реформу в Церкви.

Будучи еще митрополитом новгородским, Никон стремился упорядочить церковное богослужение. Вступив на патриарший престол и давно уже занятый мыслью об исправлении богослужебных книг и обрядов, Никон сам отправился в патриаршую библиотеку и занялся там сличением книг московской печати с древними греческими. Между прочим, он нашел там грамоту об учреждении патриаршества в России, в которой говорилось, что московский патриарх, как брат других восточных патриархов, должен во всем быть с ними согласен и блюсти полное единение с восточными православными церквами. Между тем в тексте символа веры и богослужебных книг Никон нашел разногласие с греческим текстом. С этого времени Никон безусловно становится на сторону греческого авторитета, хотя раньше, на ряду со своими бывшими друзьями ревнителями, он подозрительно относился к грекам и киевским ученым. Теперь же он решил привести русские богослужебные книги и обряды в полное соответствие с греческими. Во главе дела исправления были поставлены ученый киевский иеромонах Епифаний Славинецкий и Арсений грек, учившийся на Западе. Чтобы придать больше авторитета церковным исправлениям, Никон созвал в 1654 г. духовный собор, который открылся речью патриарха; в ней он указывал на неисправность церковных книг и

обрядов и доказывал необходимость их исправления. Собор подтвердил мнение патриарха и постановил, что книги надо исправить, сверяясь с древними славянскими и греческими книгами. В тех же целях Никон в предпринятой им церковной реформе старался опереться на авторитет восточных патриархов: константинопольский патриарх в своем послании вполне одобрил церковные исправления. Антиохийский патриарх, присутствовавший лично на соборе 1655 г., созванном для рассмотрения первой вновь исправленной книги (Служебник), также одобрил дело исправления. Затем были изданы Трехник, вновь переведенный с греческого языка, Часослов и др. Вновь исправленные книги немедленно рассылались по церквам, а старые, на основании строгого распоряжения патриарха, отбирались. В то же время на церковном соборе был поднят и принят вопрос об исправлении двуперстия и других обрядов, в полном согласии с греческою церковью.

Несмотря, однако, на предусмотрительно принятые Никонем меры, в деле церковной реформы ему пришлось на самых же первых порах натолкнуться на резкую оппозицию. Раньше всего эта оппозиция проявилась со стороны его бывших друзей, протопопа Неронова, Аввакума и др. Все они были приверженцами русской старины: хотя они раньше, до Никоновских реформ, сами проповедывали о необходимости церковного благоустройства, но по чистоте православия русскую Церковь они считали неизмеримо выше греческой и отрицали, как ересь, всякую, даже мелочную перемену в установившихся обрядах. Они, и в особенности из них Аввакум, были люди упорные, стойкие в своих убеждениях, готовые пойти ради них на мученичество. Поэтому они оказали сильнейшее противодействие Никону, как почитателю греков и киевских ученых, в руки которых всецело перешло исправление книг. Много поводов к недовольству подал сам Никон. Как человек страстный, нетерпевший противоречия, увлекающийся, он дошел до крайности в своем стремлении согласовать русское церковное устройство с греческим. Он переносит к нам греческие церковные напевы, принимает греческих живо-

писцев, строит монастыри по образцу греческих, приближает к себе греков, всюду выдвигает на первый план все греческое, отдавая ему предпочтение перед русской стариной. При новом переводе богослужебных книг с греческого часто, без всякой нужды, изменяются слова и выражения, принятые раньше; напр., вместо «церковь» ставится «храм», вместо «певцы» — «песыословцы», и наоборот. При этом, исправления, сделанные при Никоне, были также не вполне безупречны. Между тем Никон, вводя вновь исправленные книги, обряды и иконы, поступал несдержанно и круто. Так, он приказал произвести в Москве обыск по домам, при чем забирались иконы так называемого «фряжского» или латинского письма. Отобранные иконы патриарх бросал на пол и разбивал, а затем предал отлучению от церкви всех, кто впредь будет писать или держать у себя такие иконы. При возникновении протеста против исправлений со стороны «ревнителей» немалую роль играли и личные отношения их к Никону. Как только последний сделался патриархом, он совершенно переменил с ними обращение. Патриарх, ревниво относившийся к своей власти, своих бывших друзей, пользовавшихся ранее большим влиянием при дворе и в высшем церковном управлении, не стал и «в крестовую пускать», по словам Аввакума. В свою очередь, те заявили протест против первого же нововведения патриарха, как против ереси, и подали на него челобитную царю. А тот передал ее на рассмотрение самого Никона. Мстительный патриарх воспользовался первым подходящим случаем, чтобы разгромить кружок. Неронов был послан в монастырь на смирение. Аввакум, которому после ссылки Неронова не позволяли служить в Казанском соборе, и который демонстративно отслужил всенощную в сарае, был схвачен стрельцами и сослан в далекий Тобольск. Пострадали и некоторые другие их сторонники.

Но все же в первые годы протест против исправление церковных книг и обрядов ограничился небольшим кружком влиятельного московского духовенства, выступившего против Никона отчасти из чувства оскорбленной на-

циональной гордости, отчасти из личной неприязни. Хотя на местах ссылки Аввакум и Неронов, а также некоторые из ревнителей, оставшиеся в Москве, успели уже начать пропаганду своих воззрений на церковные исправления, но пока движение, начатое ими, не перешло еще в открытый раскол. Так дело обстояло до конца 60-х годов XVII ст. Но в это время в русской церковной жизни произошли крупные события.

Первым из них было оставление Никоном патриаршего престола в 1658 г. Это произошло при несколько необычайных обстоятельствах. Никон, вступивший на патриарший престол с условием, чтобы царь не вмешивался в церковные дела, считал себя в этой области единым и полновластным владыкой. Но, в то же время, требуя полного невмешательства светской власти в духовные сферы, Никон оставлял за собой право на широкое участие в политических делах. И здесь его значение было весьма велико, что происходило вследствие особых дружеских отношений царя к патриарху. Молодой впечатлительный царь вполне отдался влиянию умного, энергичного и красноречивого патриарха, которого он называл не иначе, как своим «собинным» (особенным) другом. Царь, а за ним и другие, стали звать Никона не «великим господином, как обыкновенно титуловали патриарха, а «великим государем», каковым титулом пользовался только отец Михаила Феодоровича, патриарх Филарет. И сам Никон в грамотах титурует себя «великим государем» и ставит свое имя рядом с царским. Свою власть Никон открыто равнял с властью царя, проявляя, таким образом, на русском патриаршем престоле стремление римского папы средних веков. Некоторые современники готовы были считать его власть даже большею, чем власть царя.

Достигши высокого положения, Никон обращался высокомерно с боярами и еще хуже с подчиненным ему духовенством. В придворной среде, в боярах, утративших благодаря возвышению Никона, часть своего влияния, это вызывало вражду против патриарха. Они употребляли все усилия для того, чтобы поссорить с ним царя, так как по-

нимали, что могущество патриарха основывалось, собственно, на личном расположении к нему царя. Предлогов к этому было достаточно. Никон не привык сдерживаться и по отношению к царю. Так, однажды, в споре с Нероновым, требовавшим присутствие царя на церковном соборе, судившем его и протопопа Логгина, Никон в запальчивости высказал: «Мне и царская помощь не годна и не надобна». Этот и подобные случаи, конечно, достигали до ушей царя Алексея Михайловича. Между тем последний, по возвращении из польского похода, в котором он принимал личное участие, возмужал, приобрел больше самостоятельности. Поэтому несдержанность и высокомерное поведение патриарха, естественно, вызывали в царя охлаждение к нему. Царь начал сторониться своего прежнего друга и перестал ходить в собор на служение патриарха. Никон обиделся. Последним поводом к размолвке между царем и патриархом послужило оскорбление, нанесенное царским окольным Хитрово одному патриаршему боярину. Никон жаловался на это Алексею Михайловичу, но не получил никакого удовлетворения; а в скором времени царь запретил ему титуловать себя «великим государем». Тогда Никон пошел на решительный шаг. Во время богослужения в соборе пред всем народом патриарх заявил, что он оставляет патриаршество, послал об этом письмо царю, а затем уехал в основанный им Воскресенский монастырь.

Поступая таким образом, Никон надеялся на то, что огорченный царь будет просить его не оставлять патриаршеского престола. Но этого не случилось. В своей добровольной ссылке Никон вел себя очень неровно: то он делал попытки примириться с царем, приезжал с этой целью даже в Москву, то писал царю резкие обличительные послания, в которых высказывался против вмешательства царя в церковные дела. В то же время Никон не слагал с себя окончательно патриаршего сана, так что патриарший престол оставался незамещенным в течение 8 лет. Так дело продолжалось до 1666—67 гг., когда состоялся большой церковный собор с участием двух вос-

точных патриархов, антиохийского и александрийского. На этом соборе, по желанию царя, было рассмотрено дело Никона, и окончательно решен вопрос об исправлении церковных книг и обрядов.

Собор признал Никона виновным в том, что он самовольно оставил патриаршество и внес смуту в государство, и присудил его лишиться сана, священства и сослать в заточение в Ферапонтов Белозерский монастырь. По вопросу об отношении светской и духовной властей собор, под влиянием присутствовавших на нем греческих иерархов, высказался, хотя и не без пререканий со стороны некоторых русских епископов, за неограниченную царскую власть, с подчинением ей патриаршей власти, даже и в делах церковных.

Лишь в следующее царствование, при Феодоре Алексеевиче, дряхлый и больной Никон получил разрешение вернуться из ссылки в Москву, но дорогою умер в (1681 г.).

Тот же церковный собор 1666-67 гг., осудивший Никона, подтвердил и одобрил все предпринятые им исправления церковных книг и обрядов и *провозгласили анафему всем, кто ослушается соборного определения и не примет исправленных книг и обрядов*. Это анафематствование имело весьма важное значение в истории раскола. С него, собственно, и нужно считать начало раскола, так как, с одной стороны, собор приравнял всех «старообрядцев» к еретикам, отлученным от Церкви; последние же, в свою очередь, откололись, отделились от господствующей Церкви и составили особое церковное общество, разделившееся позднее на несколько отдельных групп. На первых же порах, проклятие, провозглашенное собором 1666-67 гг., вместе с крутыми и весьма часто жестокими мерами правительства по отношению к раскольникам, имело то ближайшее практическое значение, что способствовало быстрому распространению раскола. Жестокости духовных и светских властей раскольники противопоставили непреклонное упорство, с которым они отстаивали свои убеждения; они считали себя мучениками за веру «в последние времена», а духовных и гражданских властей, «никониан» — слугами антихриста, которым не сле

дует повиноваться. Так, раскол, возникший первоначально на почве религиозного протеста, впоследствии легко превратился в сложное движение, не только религиозное, но политическое и социальное. Этому благоприятствовали тяжелые условия политической и общественной жизни. Раскольники в значительном количестве принимают участие в восстании Стеньки Разина и в других народных движениях XVII-XVIII вв.